ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

№ 45. Генварь, 1824.

ПЛАВАНІЕ ПО ВОЛГѢ ВЪ КАЗАНЬ И КЪ РАЗВАЛИНАМЪ БОЛГАРЪ, въ 1823 году.

(*Изъ журнала Издателя О. З.*)

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А вы пр·несшая ко брегу,
О Волга, рѣкъ, озеръ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости! . . .

Дмитріевъ.

17 Іюля. Брегъ, брегъ плаванію по Волгѣ! На разсвѣтѣ мы кинули якорь въ Бакалдѣ, и судьба, посылавшая въ продолженіе 12 дней постоянно прохладительный, большею частію попутный вѣтерокъ, допустившая меня вкусить всѣ удовольствія, всѣ наслажденія сего *путешествія*, въ концѣ онаго — какъ нарочно, ознакомила и

съ непріятностями, захотѣла показать доволѣ тихую, безмятежную Волгу, во всей ея яростии, во всей силѣ ея волненія.

Упоенный вѣяніемъ зефировъ, я провелъ цѣлый день на палубѣ подъ навѣсомъ — въ чтеніи Исторіи Карамзина; вечеръ былъ еще прелестнѣе, еще тише: я проводилъ глазами за горы ясное солнышко, по берегамъ раскурились огоньки, послышались звуки лютень и заунывныхъ напѣвовъ Мордовскихъ рыболововъ, только плески водъ прерывали изрѣдка гармонію эха; корабль нашъ плавно катился на водяномъ парусѣ (*); бурлаки храпѣли

(*) Водяный парусъ дѣлается изъ рогожи, прикрѣпленной къ двумъ палкамъ (наподобіе носилокъ). Онъ опускается съ котораго нибудь боку барки въ воду на четырехъ веревкахъ, такъ, чтобъ верхняя палка была снаружи, а нижняя низко въ водѣ — подобно неводу, когда ловятъ рыбу. Теченіе рѣки, упираясь въ рогожу, тянетъ барку съ быстротою, равною своему стремленію, не смотря на противный вѣтеръ и очень пособляетъ бичевѣ. Паруса сіи употребляются на Волгѣ во время ночи.

сладкимъ сномъ труда и безпечности, и я велѣлъ внести коверъ мой на палубу, располагаясь на чистомъ воздухѣ провести ночь. „Нѣтъ, баринъ, „поди лучше внизъ“—проворчалъ сквозь зубы бодрый Харонъ мой,—„гагары кри„чатъ не на шутку: (*) — быть бу„рѣ ночью, и солнышко передъ зака„томъ побагровѣло!“ — Привыкнувъ видѣть исполненіе предсказаній стараго лоцмана, я сошелъ въ каюту, и едва успѣлъ забыться первымъ сномъ, какъ разбуженъ былъ необыкновеннымъ волненіемъ барки и тревогою на палубѣ. Накидываю на себя кое какъ халатъ и спѣшу на лѣстницу, но, при первомъ шагѣ на нее, окаченъ былъ съ головы до ногъ холодною волной и ослѣпленъ яркою молніею. Пришедъ въ себя отъ сей неожиданной встрѣчи, я увидѣлъ зрѣлище, могущее привести въ ужасъ и того,

(*) Гагары передъ ненастьемъ издаютъ пронзительный крикъ.

кто неоднократно бывалъ на морѣ, неоднократно испыталъ ярость океановъ: ночная темнота освѣщалась непрерывно блескомъ молніи; черная Волга кипѣла бѣлою пѣной; удары грома заглушали самый крикъ испуганныхъ бурлаковъ, кои кинувшись къ весламъ, напрасно дѣлали всѣ усилія, чтобъ укрыться подъ правый берегъ; — мы не подвигались ни на шагъ, не могли ни сколько одолѣть свирѣпости вѣтра, ревомъ своимъ приводившаго въ содроганіе и грозившаго, при малѣйшемъ ослабленіи нашемъ — кинуть насъ на мѣль, бывшую у насъ подъ бокомъ. Видя неминуемую опасность, я силою заставилъ упрямаго старика повернуть барку, и, слѣдуя вѣтру, обратиться на нѣсколько верстъ назадъ, дабы, получивъ возможность управлять рулемъ, за первымъ мысомъ встать на якорь. Такъ и сдѣлано: мы благополучно повернулись назадъ, всѣ бросились на правую сторону къ весламъ

и, не смотря, что вѣтеръ сильно клонилъ насъ къ мѣли, удалились отъ нея и приближились невредимо къ спасительному берегу. Буря не умолкала, она ревѣла еще съ большимъ ожесточеніемъ; огненная рѣка, казалось, лилась изъ черныхъ низко-навислыхъ тучь; удары грома слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно; но мы уже кинули якорь и начинали приводить въ порядокъ снасти свои, какъ вдругъ хлынулъ дождь, и вихрь, набѣжавшій съ противуположной стороны, сорвалъ насъ съ якоря и помчалъ къ скалѣ, возвышавшейся сѣдымъ гигантомъ предъ кормою нашею: опасность была неизбѣжна. . . Къ счастію, это было послѣднее усиліе раздраженной Природы: — внезапно настала тишина, и мы расквитались однимъ бушпортомъ, коимъ ударилось наше судно. — *Молодежь! молися*, вскричалъ охриплымъ голосомъ лоцманъ, и бурлаки начали

креститься (*), а я съ умиленіемъ полнаго сердца кинулся на колѣна и благодарилъ Бога за сіи спасительные уроки! Такъ точно, (никогда не забуду я), послѣ тридцати-дневнаго счастливѣйшаго плаванія изъ Америки съ знаменитымъ изгнанникомъ Наполеона, Генераломъ Моро, у самыхъ береговъ Европы, коихъ пожирали уже жадные глаза наши и мы уже безпечно располагали завтрешнимъ днемъ, такъ точно застигъ насъ жестокой шквалъ и унесъ далеко въ океанъ, огнь небесный ударилъ въ мачту и произвелъ пожаръ на кораблѣ. . . . . Да не забываются смертные и помнятъ свою ничтожность!

Уже спокойствіе Природы едва прерывалось шумомъ мѣлкаго дожди-

---

(*) Послѣ всякаго труднаго дѣла и передъ начатіемъ онаго, равномѣрно передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ — лоцманъ даетъ сигналъ — молиться; въ первыхъ случаяхъ произноситъ громко обыкновенную Волжскую молитву: *Богъ на помочь, а Никола въ путь.*

ка, облака рѣдѣли болѣе и болѣе, показывались звѣзды, какъ вдругъ забагровѣло передъ нами небо, послышался заунывный гулъ набатнаго колокола и крики отчаянныхъ жителей: цѣлая деревня пылала предъ глазами нашими: зрѣлище ужасное и вмѣстѣ величественное! Пожаръ отражался въ глубинѣ рѣки кровавымъ заревомъ. — Не имѣя никакой возможности дать пособіе бѣднымъ поселянамъ, при сердечномъ участіи въ ихъ бѣдствіи, мы пустились далѣе по теченію Волги, и я уже не слыхалъ, какъ рано утромъ достигли мы береговъ Казани!

Соединя въ послѣдній разъ мольбы мои, по сигналу лоцмана, съ утреннею молитвою бурлаковъ, я разстался съ ними, поблагодаривъ каждаго изъ нихъ полновѣснымъ рублевикомъ, и пустился въ Казань — пѣшкомъ. Первый шагъ мой былъ на *Царевъ лугъ* — богатый воспоминаніями, который, подобно *зеленому сукну*, (какъ ска-

зано въ древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ), (*) разстилался между Волгою и городомъ. Казань открылась уже съ половины дороги, т. е. какъ я отошелъ болѣе версты отъ пристани, и чѣмъ болѣе приближался къ ней, тѣмъ представлялась она красивѣе.

20-го. Ни одинъ Губернскій городъ въ Россіи не можетъ представить столь много предметовъ для любопытства путешественника, какъ Казань, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ, подобно Казани, рождать на каждомъ шагу воспоминанія пріятныя, драгоцѣнныя для славолюбія Русскаго! И со стороны мѣстоположенія, великолѣпія зданій, правильности улицъ, разнообразія заведеній — ка-

(*) Ист. Рос. Госуд. Карамзина, Часть VIII, стр. 156. — Исторіографъ нашъ съ большимъ искусствомъ выставляетъ въ покѣствованіяхъ своихъ изрѣченія древнихъ рукописей, чѣмъ не только не производитъ нестропы въ своемъ слогѣ, но придаетъ ему еще какую-то свѣжесть и силу. *Изд.*

зенныхъ и частныхъ и т. п., Казань должна почесться также первымъ Губернскимъ городомъ въ Россіи; — она имѣетъ, такъ сказать, видъ столицы!

По благосклонности исправляющаго должность Губернатора. А. Я. Ж... и по дружбѣ Г. И. Сол., повсюду меня сопутствовавшаго, я совершенно удовлетворилъ свое любопытство, и видѣлъ, кажется, все съ настоящей стороны.... Постараюсь передать моимъ читателямъ замѣчанія мои сколь можно яснѣе; а дабы всякой, пріѣзжающій въ Казань, могъ меня повѣрить съ большею удобностію — представлю здѣсь описанія мои отдѣльно одно послѣ другаго.

Опытомъ найдено мною, что ничто не ознакомиваетъ такъ съ новымъ мѣстомъ и его окрестностьми, какъ панорамическій взглядъ на оныя, т. е. взглядъ со зданія, которое бы было въ центрѣ и возвышеннѣе прочихъ. Къ счастію, этимъ пособіемъ я могъ

воспользоваться въ первый же день моего пріѣзда въ Казань и съ большою удобностію; ибо домъ Благороднаго Собранія, въ коемъ я получилъ весьма хорошую квартиру, имѣетъ всѣ сіи удобства: съ бельведера онаго Казань какъ на блюдечкѣ со всѣми своими предмѣстіями и селами. Отсюда увидите, что она окружена съ запада широкимъ лугомъ, рѣчкою Ичкой и величественною Волгою,— съ сѣвера р. Казанкою, лугами и многими селеніями,— съ востока же и юга небольшими горами, оврагами, полями и мѣлкимъ лѣсомъ. Одна часть города расположена по хребту довольно высокаго косогора, а другая у подошвы онаго, на равнинѣ. Фигура города составляетъ неправильный многоугольникъ, содержащій около 14 верстъ въ окружности, а въ длину — считая самое большое пространеніе отъ Казанскаго моста до Оренбургскаго шлахбаума — 4 версты 100 саженъ, въ ширину же $2\frac{1}{2}$ версты.

Хотите ли знать подробно сіи очаровательныя окрестности? — Вотъ гора *Услонъ*, возвышающаяся на противномъ берегу Волги, противъ Бакалды, съ богатымъ селомъ своимъ; здѣсь *Адмиралтейство* съ его верфью и длинными магазинами; за ними, изъ-за зеленыхъ деревъ, величественно выказываетъ готическія башни свои знаменитый *Зилантіевъ* монастырь; живописная *Казанка*, извиваясь около него между кустовъ, омываетъ потомъ село *Ягоднов* съ обширными его заводами; далѣе — *Пороховой заводъ*, представляется въ видѣ Китайской деревни; еще правѣе двѣ слободы. *Гривка* и *Козья*, и въ тѣни сосновой рощи *Кизической* монастырь, а тамъ темный боръ. Съ южной стороны предстаѣляются также многія красивыя предмѣстія: озеро *Кабанъ*, раздѣляющее *Суконную слободу* отъ *Татарской*; обширные мыльные заводы, новая Татарская слобода съ высокими своими мечетями; влѣво отъ

сей послѣдней пространная равнина, облегающая второй Кабанъ и ограничивающаяся къ юго-востоку возвышенностью, усѣянною селеніями, рощею и наконецъ прелестнымъ *Воскресенскимъ монастыремъ* съ домомъ Архіерейскимъ.

Признаться ли — что я неоднократно удалялся сюда, рано поутру, и съ Исторіею въ рукахъ, какъ на планѣ повѣрялъ повѣствованія о взятіи Казани Іоанномъ Васильевичемъ. Признаться ли — что считаю въ числѣ пріятнѣйшихъ для меня минутъ въ жизни, когда, увлеченный краснорѣчіемъ Историка, я предавался здѣсь славнымъ воспоминаніямъ протекшихъ событій, и видя предъ собою Царевъ лугъ, Арское поле, Проломную, Букалъ, Тюменскіе, Муралеевы ворота, видя предъ собою чалмы Татарскія, Сюнбекинъ минаретъ, развалины Едигеровыхъ палатъ, Черемисъ, Мордву,— мечталъ видѣть наяву сіе паденіе грознаго Батыева Царства, приводив-

шаго въ ужасъ болѣе 300 лѣтъ Россію и всю Европу!

Новая Казань, (*) усиливаясь многолюдствомъ и процвѣтая торговлею съ богатымъ Востокомъ, откуда лилось въ нее золото и серебро, наконецъ въ 1441 году отклонилась совершенно отъ зависимости Золотой Орды и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣлалась безпокойнѣйшимъ сосѣдомъ Россіи. Казанцы нерѣдко врывались въ земли Русскія, жгли селенія, наругались надъ святынею храмовъ православныхъ, угоняли женъ и дѣтей въ жестокое рабство; не разъ караваны Московскіе были разбиваемы хищными ордами; не разъ люди Русскіе, проживавшіе въ Казани по торговымъ дѣламъ, бывали варварски умерщвляемы, вопреки свя-

(*) Старая Казань основана была Батыемъ, на развалинахъ Болгарскаго Царства, въ половинѣ 13 столѣтія, при берегахъ рѣки Казанки, въ 20 верстахъ отъ впаденія ея въ Волгу, т. е. 12 верстъ выше нынѣшней, и около 1395 г. разорена была В. К. Василіемъ Дмитріевичемъ.

тости договоровъ и народныхъ правъ.. Неоднократно Московскіе Князья ополчались на мятежную Казань: Казанцы смирялись и — снова неистовствовали.

Наконецъ, мудрый Царь Іоаннъ Васильевичь (Іоаннъ IV) рѣшился — для успокоенія богатыхъ при-Волжскихъ странъ и наказанія вѣроломныхъ — искоренить сіе гнѣздо измѣны и буйства, и въ 1550 году повелъ самъ подъ Казань свои войска; три мѣсяца громилъ стѣны Казанскія, но — по стеченію разныхъ бѣдствій и неудачь, принужденъ былъ возвратиться въ Москву безъ всякаго успѣха... Казанцы возгордились; но Русскій Царь не унывалъ; они думали, что надолго отняли у Русскихъ охоту и возможность воевать съ ними; но юный Іоаннъ на другой же годъ явился предъ стѣнами Казани съ новымъ ополченіемъ, съ большими силами и способами.

Вижу широкую Волгу покрытою безчисленными ладьями, — не это ли

суда Царя Русскаго, отправленныя имъ впередъ съ огнестрѣльными снарядами и запасомъ, подъ начальствомъ старца *Морозова* — отличнаго Посла, совѣтника и воина.. Вижу и луговую сторону, покрывающеюся необозримымъ воинствомъ Царя бѣлаго.. Картина несравненная, величественная: сто пятьдесятъ тысячь Русскихъ ратниковъ бросаются на колѣна и клянутся Богу и Царю взять мятежный градъ, или пасть до единаго подъ стѣнами онаго (*). Храбро, бодро православное воинство; неутомимъ, дѣятеленъ юный предводитель ихъ; мудры, опытны Воеводы Московскіе; грозны, многочисленны ихъ пищали, и высоки башни подкатныя; — но и въ Казани, за крѣпкими каменными стѣнами, за широкимъ, дубовымъ валомъ и глубокимъ рвомъ (**) сидятъ 30,000 отча-

(*) Рус. Вѣстникъ, часть 31, стр. 38.

(**) По старинымъ свидѣтельствамъ явствуетъ, что Казань въ сіе время обведена была глубокимъ рвомъ и окружена деревянною изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ двойною

янныхъ Казанцевъ и 2700 Ногайцевъ, исполненныхъ жаждою мести и крови, рвеніемъ къ опасностямъ и великимъ дѣламъ! Въ пылу, въ восторгѣ героизма, Казанцы исчисляютъ безуспѣшные приступы Русскихъ къ ихъ столицѣ и говорятъ другъ другу: „не „въ первый разъ увидимъ Московиянъ подъ стѣнами нашими, не въ „первый разъ побѣгутъ они назадъ во„своясы и мы будемъ смѣяться (*).“ И выслали къ Іоанну оплѣшную гра-

---

стѣною, наполненною внутри около 4-хъ саженъ ширины пескомъ и камнемъ. Въ ней было 12 башенъ съ воротами и тайниками. Ворота со стороны Булака назывались *Ногайскими*; теперь идетъ отъ нихъ *Проломная* улица. *Крымскія* ворота были нѣсколько подалѣе влѣво, *Арскія* на Арскомъ полѣ, *Тюменскія* и *Аталыковыя* ворота къ Московской заставѣ. *Збойливыя*, *Ельбугины* и *Кайбацкія* къ Казанкѣ. Должно полагать, что каменный Кремль существовалъ въ томъ почти видѣ, въ какомъ нынѣ находится, и *Муралеева башня* была на мѣстѣ нынѣшнихъ *Тайницкихъ* воротъ.

(*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина, Часть 8, стр. 155.

моту, въ коей Едигеръ и вельможи Казанскіе *не оставили слова на мирѣ*, поносили Государя, Россію, Христіанство, именовали Шигъ-Алея предателемъ, злодѣемъ и писали: „*все готово: ждемъ васъ на пирѣ* (*). Послѣ сего Іоаннъ двинулся съ войскомъ своимъ за Казанку, и на Царевомъ лугу, въ глазахъ Казани, разбиваетъ богатые шатры свои.

Могильная тишина царствуетъ въ Казани, и въ станѣ Русскомъ одни сиповатые оклики часовыхъ нарушаютъ безмолвіе темной ночи. Вдругъ блеснула вдали искра со стороны Казанской, блеснула и пропала; отводный стражъ встрепенулся, всматривается: „неперемѣнный ли то огонь, „не звѣзда ли упала съ чернаго неба?“ думаетъ онъ. Нѣтъ! искры сыплются какъ изъ-подъ желѣзнаго копыта борзаго коня, — бодрый стражъ припадаетъ къ сырой землѣ и — слышитъ лошадиный топотъ; онъ ста-

(*) Тамъ же, стр. 156.

ковитъ на сошки мѣткую пищаль свою, не переводитъ духу, зоркія очи свои вперяетъ въ ночную мглу и видитъ — крадется всадникъ въ богатой бронѣ... Онъ ужъ въ рукахъ его! Это былъ Мурза *Камай*, бѣглецъ изъ Казани. Онъ доноситъ Государю о настоящемъ положеніи крѣпости; утверждаетъ, что она наполнена хлѣбными и рашными запасами, что Князь Япанча отправленъ съ многочисленнымъ отрядомъ конницы въ Арскую засѣку — вооружать сельскихъ жителей и непрестанными набѣгами тревожитъ станъ Россіянъ. Іоаннъ собираетъ совѣтъ изъ Бояръ, Воеводъ, Головъ Стрѣлецкихъ и Атамановъ козацкихъ, и вотъ военачальники прямо изъ думы становятся предъ полками своими съ восходомъ солнца (*). Ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, и войско двинулось стройно и радостно къ приступу... Кто

(*) 25 Августа, 1552.

это впереди, передъ ертауломъ, (*) рыскаетъ на быстромъ аргамакѣ, въ высокой шапкѣ, въ парчевомъ кафтанѣ? — Это бывшій Царь Казанскій, Шигъ-Алей, коему ввѣрено начальство надъ сею храброю дружиною. За нимъ вихрями несутся два витязя въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, съ опущенными забралами:—это его сотрудники, Князья *Юрій Шемякинъ* и *Ѳедоръ Троекуровъ*, цвѣтущіе юностью, мужествомъ, красотою.

Вотъ и *передовой полкъ*! его ведутъ знаменитые Воеводы: Князь *Иванъ Ивановичъ Турунтай-Пронскій*, старецъ, украшенный маститыми сѣдинами, службою отцу Іоаннову и участіемъ во всѣхъ битвахъ и походахъ, славнѣйшихъ для Россіи, (**) и Князь *Дмитрій Ивановичъ Хилковъ*.

Съ шумомъ, какъ быстрая рѣка, какъ грозная туча, двинулся *большой*

(*) Авангардъ, передовой отрядъ.

(**) Ист. Гос. Рос. Кар., Ч. 9, стр. 104.

полкъ подъ предводительствомъ Князей *Ивана Мстиславскаго* и *Юрія Оболенскаго*, сановниковъ, славныхъ доблестями военными и гражданскими. — Но тамъ, предъ мужественнымъ воинствомъ, сосплавляющимъ *правую* и *лѣвую руку* и *Сторожевый полкъ*, посреди цвѣта Россіи, посреди сонма избраннѣйшихъ Бояръ и Вельможъ Царства Русскаго, отличенъ отъ всѣхъ *Іоанна* — какъ величавая пальма, гордо возвышаясь посреди зеленой рощи — крѣпкія мышцы его, широкая грудь покрыты булатною броней; изъ-подъ тяжелаго шлема сыплются на высокія плеча прекрасные власы; мрачное забрало открываетъ свѣтлое лице Царя Русскаго: длинный усъ, Римскій носъ, глаза небольшіе, но проницательные, огненные, содѣлываютъ лице его благообразнымъ и выразительнымъ (*). Могу ль не узнать и славныхъ Воеводъ, его окружающихъ? могу ль не узнать въ семъ величавомъ

(*) Ист. Гос. Рос. Кар., Ч. 9, стр. 79.

мужѣ, съ булавою въ рукѣ, въ драгоцѣнномъ доспѣхѣ — главнаго военачальника, *перваго слугу Государева*, спасителя Москвы, доблестнаго потомка Св. Михаила Черниговскаго — Князя *Михаила Воротынскаго* (*)! Могу ль неузнать въ семъ юномъ, пылкомъ героѣ, покрытомъ славными ранами — мужа битвы и совѣта, участника всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, героя подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Московскихъ, друга Царя и, наконецъ, непримиримаго врага его — несчастливца, вынужденнаго, для спасенія своей жизни отъ тирана, оставить навсегда милое отечество, оставить жену, единственнаго сына и перейти къ непріятелю, однимъ словомъ: знаменитаго *Князя Андрея Курбскаго* (**)! Но глаза мои ищутъ съ нетерпѣніемъ и неменѣе славнаго друга его, незабвеннаго героя въ Исто-

(*) Тамъ же, стр. 266.

(**) Тамъ же, стр. 59.

ріи Русской, красу вѣка и человѣчества, временщика, любимаго народомъ и войскомъ, явившагося съ добродѣтелью Царя и погибшаго съ нею (*), — и въ этомъ юномъ воинѣ, одѣтомъ въ скромную броню всадника (**), но отличающемся отъ всѣхъ нѣкіимъ благородствомъ, ясно обнажающимъ величіе души, — въ этомъ воинѣ съ ангельскимъ благообразіемъ и вдохновеніемъ небесной мудрости — открываю *Алексѣя Адашева*! — Въ семъ же сонмѣ великихъ синклитовъ Русскихъ узнаю мужа *ума* глубокаго, искуснаго въ дѣлахъ ратныхъ, ревностнаго друга отечества и примѣрнаго Христіанина (***) — Князя *Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго* — потомка Св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ Князей Суздальскихъ. Вижу еще славнаго героя, *Кня-*

(*) Тамъ же, стр. 17.

(**) *Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія.* И. Г. Р. К., Ч. IX, стр. 18.

(***) И. Г. Р. Кар. Ч. IX, стр. 82.

зя Петра Серебрянаго, мужественныхъ, опытныхъ Воеводъ: *Князей Курлятевыхъ, Микулинскихъ, Троекурова, Ромодановскаго, Мещерскаго, Булгакова, Палецкаго, Кашина*, добродѣтельнаго *Болрина Шереметева, Плещеева, Воронцова, Басманова, Яковлева, Великаго Князя Владиміра Андреевича*. . . . Вижу, какъ по мановенію Іоанна стройное воинство останавливается; Царь и Воеводы сходятъ съ коней своихъ и подъ сѣнію развѣвающихся знаменъ, и, святой хоругви, слушаютъ молебенъ. Вижу, съ какимъ усердіемъ православный Царь испрашиваетъ Божескаго благословенія на правое дѣло свое, и обрекши самого себя на смерть (*), ободривъ войско къ великимъ подвигамъ, строго запретивъ чиновникамъ не вступать въ битву самовольно — ведетъ рать къ крѣпости, гдѣ царствуетъ мертвая тишина — вѣрный

(*) И. Г. Р. Кар., Ч. 8 стр. 157

предтеча ужаснѣйшей грозы. Трепещу за отважныхъ Стрѣльцовъ и Козаковъ, переходящихъ Булакъ: хитрый непріятель готовитъ имъ горькую чашу, — и вотъ уже растворяются Ногайскія ворота, и 15 тысячь отборныхъ Татарскихъ наѣздниковъ устремляются на нихъ съ воплемъ; со всѣхъ бойницъ Татарскихъ открывается жестокая пальба: Русская дружина сломлена, разстроена;.. но подоспѣло нѣсколько дѣтей Боярскихъ, Русскіе ободрились, началась жестокая сѣча, и Шигъ-Алей пробился къ кладбищу. Между тѣмъ и прочіе полки окружили Казань по назначенію своему (*), разставили шатры и

(*) Осада была расположена слѣдущимъ образомъ: *большему* и *передовому полку* занять Арское поле, *правой* рукѣ берегъ Казанки, *сторожевому* устье Булака, *лѣвой рукѣ* стать выше его, Алею за *Булакомъ* у кладбища, а *Царской Дружинѣ* на Царевомъ Лугу. И. Г. Р. Ч. 8, стр. 157.

церкви Христіянскія (*) и предались успокоенію. Ночь прошла тихо, но съ разсвѣтомъ дня закыла буря съ Запада, хлынулъ проливной дождь; слѣды ихъ были пагубны для Русскихъ, радостны для Казанцевъ: суда, нагруженныя разнаго рода запасами, потонули на Волгѣ; Казанцы думали, что Русское войско, лишенное продовольствія и теплой одежды, должно будетъ снять осаду; но не такъ думалъ Іоаннъ: скоро мудрыми его распоряженіями водворилось паки изобиліе въ стану Русскомъ.

25, 26 и 27, Россіяне облегали ближе и ближе крѣпость, разставили туры, прикатили стѣнобойный снарядъ, заняли близъ-лежащую Даирову башню, непрестанно рѣзались въ отчаянныхъ вылазкахъ; не имѣли отдыха; ни воины, ни полководцы не

(*) Три: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. И. Г. Р. Кар. Ч. 8, стр. 159.

смыкали глазъ; Іоаннъ вездѣ самъ присутствовалъ, укрѣплялъ всѣхъ въ терпѣніи и сходилъ съ коня для одной молитвы.

Уже не было ни откуда пути въ Казань, ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ вездѣ наставилъ огнестрѣльный снарядъ свой и неутомимо громилъ стѣны изъ 150 тяжелыхъ орудій; уже не было вылазокъ изъ города, какъ внезапу напалъ изъ лѣсу, какъ громоносная туча, какъ хищный волкъ, Князь Япанча на передовой полкъ нашъ. Его прогнали съ большимъ урономъ; но войска Русскія оставались въ безпрерывномъ страхѣ отъ его наѣздовъ. Япанча хваталъ нашихъ фуражировъ, срывалъ передовые посты, не давалъ покою. . . Положено было въ думѣ — истребить сихъ дерзкихъ наѣздниковъ, и сіе славное дѣло совершилъ Князь Шуйской съ совершеннымъ успѣхомъ, заманивъ Япанчу въ сѣти свои хитрыми движеніями войскъ своихъ и положивъ на мѣстѣ

большую часть его ополченія; но остальная скрывалась еще въ крѣпкомъ острогѣ, устроенномъ Казанцами за Арскимъ полемъ, въ 15 верстахъ отъ города, на крутой высотѣ. Должно было взять и его, не смотря на большія трудности и пролитіе крови (*).

Уже и луговые Черемисы успокоены, уже Казанцы не имѣютъ капли чистой воды — тайникъ ихъ подорванъ на воздухъ, Арскія ворота до основанія сбиты; высокая башня Русская, подкаченная къ Царскимъ воротамъ, громитъ середину города, — никто не смѣетъ показаться на улицѣ, укрываются въ подземельяхъ, въ норахъ; уже послѣднее отчаянное нападеніе Казанцевъ на пушки Русскія въ расплохъ, было отбито съ большимъ для нихъ урономъ; уже взлетѣли на воздухъ и тарасы и землянки съ великимъ множествомъ жи-

(*) Въ тоже время взятъ и городъ Арскъ.

телей; Русскіе не разъ рѣзались на улицахъ съ Татарами, сожгли мосты и заняли Арскую башню; уже уныніе распространилось въ городѣ; но Казанцы не слушаютъ *ни краемъ уха* мирныхъ предложеній Іоанновыхъ: ожесточеніе ихъ такъ велико, что они пустили стрѣлы въ своихъ собратій, плѣненныхъ при Арскѣ, умолявшихъ ихъ покориться Царю Русскому.

Время длилось, грозила глубокая осень, люди утомлялись, нужно было кончить, и — 1-го Октября Іоаннъ объявилъ войску, чтобъ оно готовилось завтра *пить общую чашу крови*, т. е. пріуготовилось бы къ рѣшительному приступу. День славнѣйшій въ лѣтописяхъ Россійскихъ, прекраснѣйшій въ жизни Іоанновой!

Раздается благовѣстъ въ церквахъ Христіанскихъ; воины, подобно морскимъ волнамъ, толпятся у преддверія оныхъ, и приготовя себя къ славной смерти покаяніемъ и святымъ

Причастіемъ — весело становятся въ ряды свои. Движеніе, дѣятельность удивительны, неимовѣрны; кажется, Русскіе обновились новою жизнію, забыли о трудахъ своихъ и изнеможеніи силъ. Князь Мстиславскій съ частію большаго полка, а Шигъ-Алей съ Касимовцами и жителями горной стороны, занимаютъ дорогу Арскую и Чувашскую, Князь Юрій Оболенскій и Григорій Мещерской съ дворянами Царской дружины вступаютъ на Ногайскую дорогу; Князь Иванъ Ромодановской на Галицкую; къ нему примыкаетъ еще отрядъ дворянъ, расположенный вверхъ по Казанкѣ на Старомъ Городищѣ. Заслонивъ такимъ образомъ тылъ арміи отъ луговой Черемисы и Ногайскихъ улусовъ, и отрѣзавъ Казанцамъ всѣ пути къ бѣгству, Іоаннъ распоряжаетъ самый приступъ, назначивъ каждому полку, каждой дружинѣ свое мѣсто (*), и приказавъ

(*) См. И. Г. Р., Ч. VIII, стр. 175.

изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ. Самъ же уединяется съ Духовникомъ своимъ и готовитъ себя къ славной смерти — благочестивою бесѣдою.

Въ городѣ таже дѣятельность, тоже неутомимое рвеніе и бодрость сверхъестественная! Съ обѣихъ сторонъ ни кто не смыкалъ глазъ во всю ночь, — всякой ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія роковаго дня....

Вотъ и багровая заря занимается по горизонту, яркое солнце освѣщаетъ лучами своими Казанцевъ, бодро стоящихъ на стѣнахъ своихъ, а Русскихъ въ тишинѣ, въ безмолвіи ожидающихъ предъ ними знака къ приступу. Одинъ Царь оставался въ станѣ и изъ глубины сердца молился въ церкви за обѣднею. Дьяконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слово: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*! какъ грянулъ громъ, земля дрогнула, церковь затрясла-

ся;.. (*) камни, люди, пыль неслася надъ Казанью въ густыхъ облакахъ дыма; — Литургія продолжается, и когда діаконъ провозглашаетъ: *да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна и повергнетъ къ ногамъ Его всякаго врага и сопостата*, — раздастся еще ударъ, несравненно сильнѣе перваго: взорвало другой, послѣдній подкопъ, и полки Русскіе — воскликнувъ: съ *нами Богъ*—летятъ на стѣны Казанскія, творятъ чудеса храбрости, и, не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе Татаръ, не смотря на всѣ ужасы смерти, врываются въ крѣпость; и когда Царь выѣхалъ изъ стана на бранномъ конѣ — Христіянскія знамена уже развѣвались на крѣпости, и войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду (**). Прихожу въ содроганіе отъ ужасовъ сей кар-

(*) Исторія Госуд. Росс., Ч. VIII, стр. 176.
(**) Тамъ же, стр. 177.

тины. — Русскіе сѣкутся, рѣжутся съ Татарами въ улицахъ, въ домахъ, схватываются руками, — кровь льется рѣкою, дорого покупаютъ они каждый шагъ впередъ. . . Но Татары одолены повсюду, отступили къ укрѣпленному дворцу Царскому; Іоаннъ приближается къ городу; — вдругъ слухъ его поражается страшнымъ воплемъ: *сѣкутъ, сѣкутъ!* и Русскіе толпами бѣгутъ изъ Казани. (*)— Царь думаетъ, что все войско вышѣснено, беретъ святую хоругвь и встаетъ предъ Царскими воротами — окруженный сановитыми старцами и знатнѣйшими Боярами. Бѣглецы, видя сіе великодушіе, устыдились, опомнились и подкрѣпленные десятитысячною отборною дружиною Царскою, ринулись, какъ все-сокрушающая бу-

(*) То были мародеры, оставившіе ряды храбрыхъ, кинувшіеся на грабежъ въ богатые домы и лавки Казанскія. Казанцы напали на нихъ, погнали и потѣснили все войско. — *Тамъ же.*

ря, на Татаръ съ новою силою, съ новымъ ожесточеніемъ. Казанцы, сомкнувшись въ густую стѣну, отступаютъ къ высокимъ мечетямъ, гибнутъ до единаго съ Муллами своими.— Уже и послѣдній оплотъ ихъ ниспровергнутъ: Русскіе отбили ворота укрѣпленнаго дворца Царскаго, врываются во внутрь онаго; но, при всей ярости гнѣва и мужества, вижу цѣпенѣютъ, колеблются, — встрѣтя полчище удивительное, страшное — не ядовитыми стрѣлами, не острыми мечами и не тяжелыми кистенями, . . . встрѣтя юныхъ, прекрасныхъ женъ Казанскихъ, представшихъ предъ раздраженныхъ воиновъ въ блестящихъ одеждахъ, подъ защитою своихъ прелестей (*). . . Но за ними ихъ отцы, братья, мужья, окружаютъ Царя своего,— и сѣча закипѣла съ большею упорностію, съ большимъ отчаяніемъ! Еще бьются Казанцы,

(*) И. Г. Р. Карамз., Ч. VIII, стр. 180.

думая отстоять Царя и Царство свое; еще льется драгоцѣнная кровь героевъ; наконецъ, храбрый остатокъ ихъ, числомъ 10,000 человѣкъ отступаетъ въ заднія ворота и спѣшитъ съ Едигеромъ уйти за Казанку. . . . Тутъ Курбскій съ двумя стами наѣздниковъ преграждаетъ ихъ дорогу, удерживаетъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; занимаетъ Збойливыя ворота: — нѣтъ имъ выходу изъ города, и Казанцы выдаютъ своего Царя Палецкому вмѣстѣ съ его мамичами и главнымъ карачею; сами же, презирая смерть, ища ея — прыгаютъ со стѣнъ внизъ, переходятъ Казанку въ виду побѣдителей, и находятъ ее. . . ни одинъ Татаринъ изъ сей храброй дружины не остался въ живыхъ: всѣ погибли отъ меча Князей Курбскихъ, Микулинскаго и Шереметева.

Нѣтъ болѣе непріятеля въ Казани, умолкъ гулъ оружія; по опустѣлымъ, дымящимся стогнамъ ея раздаются одни клики побѣдителей и стоны

раненыхъ. Воротынскій посылаетъ спросить Государя, что прикажетъ онъ дѣлать съ побѣжденною Казанью, Царемъ ея, несмѣтными сокровищами? . . . *Славить Всевышняго* — отвѣтствуетъ Іоаннъ, велитъ пѣть молебенъ подъ святою хоругвію, и собственною рукою на томъ самомъ мѣстѣ — у Царскихъ воротъ, водружаетъ животворящій Крестъ, назначивъ тутъ быть первой Христіянской церкви (*). — Здѣсь преклоняетъ колѣна предъ побѣдоноснымъ Царемъ Русскимъ, Едигеръ, Царь Казанскій; тамъ при въѣздѣ въ Муралеевы ворота встрѣчаютъ побѣдоноснаго Іоанна тысячи Россіянъ, освобожденныхъ изъ-подъ ужаснѣйшаго ига Татарскаго; во дворцѣ Бояре, Воеводы снова поздравляютъ побѣдителя; онъ снова обнимаетъ своихъ сподвижниковъ, и всѣ сокровища,

(*) И донынѣ на семъ мѣстѣ видна церковь во имя Кипріяна и Іустины, небольшая, каменная, древней архитектуры, съ одною главою.

всю добычу отдаетъ храброму войску, оставя себѣ на часть Едигера и Царскій вѣнецъ его (*). „*Моя корысть*, говоритъ онъ, *есть спокойствіе и честь Россіи* (**). Потомъ Іоаннъ поспѣшаетъ посѣтить, успокоить раненыхъ, собираетъ вокругъ себя знаменитое воинство свое и между прочимъ вѣщаетъ ему: „любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ на полѣ „чести лежащіе! Вы уже сіяете въ „вѣнцахъ небесныхъ вмѣстѣ съ пер„выми мучениками Христіянства. „Се дѣло Божіе: наше есть славить „васъ во вѣки вѣковъ, вписать имяна „ваши на харіѣи священной для по„миновенія въ Соборной Апостоль„ской церкви (***).“

Нѣтъ сомнѣнія, что сей священный обѣтъ строго исполнялся во время жизни Грознаго Царя и остано-

(*) Казанская корона описана подробно въ Отечественныхъ Запискахъ Ч. III стр. 24.

(**) И. Г. Р. Ч. VIII, стр. 184.

(***) Исш. Г. Р. К., стр. 135.

вился при несчастныхъ переворотахъ Россійскаго Государства; но въ благословенное царствованіе Александра I, царствованіе, оживившее незабвенные подвиги Минина и Пожарскаго, нашелся мужъ не только выполнившій сей долгъ отечества, но утвердившій его на грядущія столѣтія. Въ 1811 году Архимандритъ Зилантьевскаго монастыря, *Аѳросій*, найдя въ одной изъ жалованныхъ грамотъ сему знаменитому монастырю, завѣщаніе Царя Іоанна Васильевича — *пѣть панихиды на Русскомъ кладбищѣ по убіенныхъ родителяхъ* — воспылалъ благороднымъ желаніемъ привести оное въ исполненіе, и въ томъ же году отнесся къ бывшему Епархіальному Архіепископу Павлу, о дозволеніи воздвигнуть на семъ мѣстѣ столбъ съ приличною надписью, для исправленія молебствія ежегодно въ день взятія Казани — жертвуя для сего всѣмъ своимъ достояніемъ — 5000 рублей.

Сіе патріотическое намѣреніе отца Архимандрита Амвросія доведено было Г. Министромъ Духовныхъ дѣлъ до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество удостоивъ его Высочайшимъ своимъ одобреніемъ, повелѣлъ рисунокъ памятника передѣлать извѣстному Архитектору Алферьеву. Но какъ проэктъ, сдѣланный симъ художникомъ, далеко превышалъ способы, предложенные отцемъ Архимандритомъ, то всемилостивѣйше позволено было открыть добровольную подписку, при чемъ Государь первый пожаловалъ 5000 рублей единовременно. Неутомимый о. Амвросій отнесся письменно ко всѣмъ Гг. Губернаторамъ и Градоначальникамъ, приглашая ихъ содѣйствовать по мѣрѣ своей возможности въ сооруженіи сего отечественнаго памятника, а самъ отправился въ обѣ столицы. Старанія его увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ: воззванія сего почтеннаго мужа возбудили

національную гордость соотчичей, и пожертвованія для сноль любезнаго всѣмъ предмета посыпались со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ лицъ и состояній. Въ самое коротное время собрано было *сто шестьдесятъ тысячъ шестьсотъ сорокъ рублей* (*), и приступлено было къ приведенію въ исполненіе предназначеннаго плана (**). Почтенный Архимандритъ, подкрѣпляемый молитвою и чувствомъ высокаго, превозмогъ нѣкоторыя встрѣтившіяся ему въ семъ подвигѣ затрудненія, и съ Божіею помощію совершилъ нынѣ

(*) Государь Императоръ, сверхъ 5000 р., единовременно пожалованныхъ, опредѣлилъ отпускать по стольку же ежегодно во все время строенія памятника. Императрица Елисавета Алексьевна пожаловала 2000 руб., Императрица Марія Ѳеодоровна 1000 руб., Великіе Князья: Константинъ Павловичъ 600 р., Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ 700 руб., Великая Княгиня Анна Павловна 500 руб. и покойная Королева Виртембергская Екатерина Павловна 400 руб.

(**) Заложеніе памятника воспослѣдовало въ 1813 году 29 Іюня.

смѣлое свое предпріятіе: памятникъ окончанъ и ожидаетъ единственно Высочайшаго разрѣшенія на освященіе онаго (*).

Онъ построенъ на мѣстѣ древняго Русскаго кладбища, гдѣ потомъ погребены были тѣла знаменитѣйшихъ Воеводъ, положившихъ животъ свой за Вѣру и славу отечества, при взятіи Казани (**). На этомъ

(*) Вскорѣ по отъѣздѣ моемъ изъ Казани, получено было Монаршее разрѣшеніе, и памятникъ освященъ съ приличною церемоніею 30 Августа, въ день Тезоименитства Августѣйшаго Монарха, Преосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ, при стеченіи великаго множества народа.

(**) Знаменитѣйшіе изъ нихъ суть: *Князья*: Юрій Дмитріевичъ Ростовскій, Юрій Ѳедоровичъ Ушатовъ, Александръ Даниловичъ Ярославскій, Михаилъ Курбскій, Ѳедоръ Рлоповскій, Іоаннъ Оболенскій, Михаилъ Романовичъ Мезецкой, Петръ Васильевичъ Ярославскій-Засѣкинъ, Іоаннъ Іосифовичъ Дорогобужскій, Ѳедоръ Оболенскій, Борисъ Петровичъ Сичевъ, Давидъ Тулуповъ, Борисъ Александровичъ Гнездиловскій, Дмитрій Іоанновичъ Никулин-

самомъ бугрѣ, говорятъ, Іоаннъ водрузилъ Святую хоругвь свою и назначилъ быть Успенскому монастырю, по перенесеніи коего на Иланшову гору, мѣсто сіе оставалось доселѣ ни чѣмъ незанятымъ.

Памятникъ имѣетъ видъ пирамиды, вышиною въ 10 сажень и столько же ширины въ квадратномъ основаніи своемъ. Съ каждой стороны украшенъ онъ прекраснымъ портикомъ о двухъ колоннахъ Дорическаго ордена, а свер-

---

ской, Петръ Никитичъ Щепинъ-Оболенской; *Воеводы:* Дмитрій Васильевичъ Шеинъ, Ѳедоръ Ивановичъ Морозовъ, Василій Поджегинъ, Петръ Ивановичъ Шепшевъ, Григорій Андреевичъ Сабуровъ, Григорій Васильевичъ Шереметевъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ и Іоаннъ Васильевичъ Плещеевы, Іоаннъ Іоанновичъ Змѣевъ, Василій Игнатьевичъ Лопухинъ, Ѳедоръ Апраксинъ, Григорій Борисовичъ Ступишинъ, Ѳедоръ Челищевъ, Юрій Алексѣевичъ Колтовской, Іоаннъ Лихаревъ, Іоаннъ Бухвостовъ, Борисъ Ивановичъ Салтыковъ, Василій Иларіоновъ, Ѳедоръ Баклановскій, Ѳедоръ, Дмитрій и Василій Константиновичи Садыковы, Михаилъ Кузминскій и проч.

ху Крестомъ, ярко вызолоченнымъ (*), на коемъ изображено съ обѣихъ сторонъ въ срединѣ всевидящее Око. Пирамида, равномѣрно и портики обложены снаружи бѣлымъ опочнымъ камнемъ, что придаетъ величественный видъ сему зданію; а прекрасная отдѣлка его во всѣхъ частяхъ дѣлаетъ отличную честь Г. Губернскому Архитектору Шмиту, надзиравшему надъ строеніемъ онаго. — Внутренность состоитъ изъ большой ротонды, освѣщенной полукруглыми окнами, устроенными сверху портиковъ. Церковь освящена во имя *Спаса Нерукотвореннаго Образа*, который находился на Хоругви Іоанна. Въ углахъ, происходящихъ отъ внутренняго закругленія, сдѣланы весьма уютныя кельи; въ одной изъ нихъ живутъ сторожа, другая опредѣлена для ризницы, третія для Архимандрита, а изъ четвертой сдѣлана лѣ-

(*) Который стоитъ около 1000 рублей.

стница въ погребъ, гдѣ въ каменномъ спо̀ѣ, устроенномъ подъ самымъ олтаремъ, хранятся священныя кости героевъ, погибшихъ при взятіи Казани. Здѣсь отправляется и панихида. Не могу изъяснить чувствіва: объявшаго меня, когда я сошелъ съ тусклою свѣчею въ сіе свящилище: — нѣтъ! это не страхъ смерти, не ужасъ могилы: нѣтъ! — это чувство ближе къ благоговѣнію, къ истинному возвышенію души!

Теперь всѣ помышленія почтеннаго созидателя стремятся къ тому, чтобъ внутренность церкви сей и ризницу снабдить подобаемымъ благолѣпіемъ (*); и я ни сколько не сомнѣваюсь, что и для сего священнаго предмета онъ найдетъ тоже усердіе, ту же охотность въ соотчичахъ своихъ къ содѣйствію, каковую обрелъ въ первомъ случаѣ. Кому изъ насъ не бли-

(*) Для сего почитаетъ онъ нужнымъ десять тысячъ, а отъ прежняго сбору едва осталось двѣ.

зокъ, не милъ сей памятникъ? Нѣтъ почти Русскаго дворянина, который бы не зрѣлъ собственную свою славу, собственную честь въ прославленной памяти своего предка!

Замѣтимъ еще, что отсюда видна Казань, или, лучше сказать, Кремль Казанской въ самомъ живописномъ образѣ — омываемый излучистою Казанкою. А памятникъ, возвышаясь одинъ на широкой равнинѣ — возбуждаетъ легко для пламеннаго воображенія мысль о Египетскихъ пирамидахъ, разсѣянныхъ по необозримымъ степямъ Африки.

(*Продолженіе впредь.*)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

No 48. Апрѣль, 1824.

ПЛАВАНІЕ ПО ВОЛГѢ ВЪ КАЗАНЬ И КЪ РАЗВАЛИНАМЪ БОЛГАРЪ,

въ 1823 году.

24 Іюля.

Верстъ за 12 показалась бѣлая башьня на синѣющейся возвышенности. „Вотъ Болгары,“ сказалъ мой извощикъ и пустилъ во всю прыть лошадей своихъ. Долго еще башня сія представлялась столбомъ, стоящимъ посреди темнаго лѣсу; но, по мѣрѣ приближенія нашего, открылось вокругъ ея большое селеніе, расположенное по хребту горы, которая, безъ сомнѣнія, была не что иное, какъ высокій берегъ Волги, протекавшей здѣсь въ древнія времена, а нынѣ уклонив-

шейся на 9 верстъ къ западу. Если съ одной стороны ежегодныя перемѣны, дѣлаемыя сею рѣкою въ ея теченіи, дѣлаютъ правдоподобнымъ сіе предположеніе, то съ другой самое естественное заключеніе, что столица народа богатаго, производившая обширную торговлю, не могла быть нигдѣ лучше устроена какъ на судоходной рѣкѣ, а тѣмъ менѣе нуждаться въ прѣсной водѣ, которую нынѣ достаютъ въ Болгарахъ изъ колодцевъ! Послѣ сего можно почти утвердительно сказать, что положеніе города Болгаръ, съ его огромными мечетями и великолѣпными минаретами, было самое прелестное и величественное, какое только можно было встрѣтить на живописной Волгѣ. Берегъ сей, не уступая высотою Нижегородскому, преимуществуетъ предъ онымъ постепенностію своихъ отлогостей, кои безъ сомнѣнія доставляли большія удобства для производства торговли, а нынѣ покрыты огородами и садами.

Хотя любопытство побуждало меня прежде всего осмотрѣть церковь—въ надеждѣ найти въ ней какіе нибудь письменные документы, или воспользоваться просвѣщеніемъ и свѣдѣніями Священника; но слѣдуя правилу, неоднократно испытанному мною съ успѣхомъ, взошелъ я прежде всего на башню, видѣнную издали, дабы съ самаго возвышеннаго пункта ознакомиться съ мѣстомъ, которое намѣревался осмотрѣть — и какіе виды открылись глазамъ моимъ, особливо съ полудня и запада! Волга въ разныхъ оборотахъ и измѣненіяхъ, то узкимъ, синѣющимся каналомъ, то свѣтлымъ, круглымъ озеркомъ, то во всемъ своемъ величіи — широкою, быстрою рѣкою— разстилалась предо мною. Безчисленное множество богатыхъ селъ и деревень, какъ драгоцѣнные алмазы въ коронѣ Казанскаго Царства, блестѣли по злачнымъ берегамъ ея. Городъ *Тетюши*, а въ 30 верстахъ противъ его *Спасскъ*, заключали сей обшир-

ный горизонтъ съ двухъ сторонъ. Но что всего любопытнѣе показалось мнѣ и, признаюсь, болѣе всего вознаградило за трудный всходъ на башню: — это удостовѣреніе въ предположеніи моемъ на счетъ теченія Волги у подошвы Болгаръ. Отсюда ясно видно уклоненіе рѣки сей вправо верстъ за 10, и черное болото, поросшее мѣстами кустарникомъ, а въ другихъ прерываемое озерами, указываетъ на древнее ея логовище (*). Обращя взоры къ сѣверу, какъ на планѣ увидѣлъ я пепелище древняго города Болгаръ. Земляный валъ, большею частію развалившійся, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно уже изгладившійся, и ровъ со внѣшней сто-

(*) Сіе самое подтверждаютъ Татарскіе писатели: Таваришъ-Удъ-Давандъ, Раузъ-Уль-Микшару и Ибнъ-Эль-Варда, коихъ сочиненія въ рукописяхъ находятся у нѣкоторыхъ Абызъ въ Казани и Касимовѣ. По словамъ перваго, Волга измѣнила свое теченіе 54 года спустя по завоеваніи города Болгаръ Тимуромъ.

роны индѣ до 3 саженъ глубины — достаточно означаютъ пространство города, заключавшее семь верстъ въ длину и около 4 въ ширину, въ видѣ неправильнаго овала. — Можно ли равнодушно взирать на могилу обширной столицы народа — нѣкогда славнаго, могущественнаго; можно ли безъ чувствъ, безъ размышленія видѣть сіи нѣмыя, скудныя свидѣтельства его существованія? Нѣсколько уединенныхъ башень, разбросанныхъ по пустынѣ, изрытой буграми; нѣсколько распадшихся стѣнъ, поросшихъ кустарникомъ — вотъ все, что осталось отъ знаменитаго города, отъ великолѣпныхъ замковъ, отъ пышныхъ, роскошныхъ гаремовъ! Скоро, можетъ быть, плугъ поселянина изгладитъ съ лица земли и послѣдніе остатки сихъ признаковъ, а вѣтръ полночный разнесетъ и самую пыль ихъ! — Постараемся по крайней мѣрѣ описать съ точностію то, что найдено нами еще уцѣлѣвшимъ: читате-

ли увидятъ, сколь много уже измѣнилось и даже исчезло изъ сихъ развалинъ со временъ посѣщенiи ихъ Академиками Палласомъ и Озерецковскимъ, бывшими здѣсь въ 1768 году.

Какъ ни трудно всходить на башню, но несравненно еще опаснѣе — съ нее спускаться, ибо кромѣ того, что въ лѣстницѣ не достаетъ весьма многихъ ступенекъ, большая часть изъ нихъ столь рыхлы, что зыблются подъ ногами и, при первомъ неосторожномъ шагѣ, готовы вмѣстѣ съ вами низвергнуться. Слѣдствiемъ сего бываетъ обыкновенно боль въ колѣнахъ, которую и я почувствовалъ въ туже ночь; но Татары приписываютъ ее дѣйствiю заклинанiй ихъ Муллъ на всѣхъ Христiанъ, дерзающихъ попирать стопами своими сiе святилище! Двери въ башню сдѣланы съ полуденной стороны; лѣстница круглая, узкая, освѣщаемая нѣсколькими скважинами, пробитыми въ толстой стѣнѣ въ видѣ четвероу-

гольныхъ окошечекъ, имѣетъ 73 ступени. Почти на срединѣ стѣны примѣтны въ ней знаки Арабской надписи.

Башня сія содержитъ въ вышину $12\frac{1}{2}$ саженъ и есть одна изъ развалинъ, лучше всѣхъ прочихъ уцѣлѣвшихъ отъ руки всеразрушающаго времени; но симъ обязана она не особенной крѣпости толстыхъ стѣнъ ея, не огромности дикихъ камней ея фундамента, соединенныхъ между собою съ удивительнымъ искусствомъ, но попеченію Петра Великаго, коего любовь къ художествамъ и уваженіе къ древности простерлись и сюда. Государь посѣтилъ развалины Болгаръ во время Персидскаго похода и, сверхъ многихъ полезныхъ распоряженій, приказалъ верхнюю часть сей башни или столба оковать двумя желѣзными обручами. Въ послѣдствіи Г. Гурьевъ, бывшій Казанскій Вице-Губернаторъ, движимый подобнымъ уваженіемъ къ сей древности, покрылъ ее досчатою

кровлею. Вотъ какъ мало стоило сохраненіе сего памятника въ первобытномъ его состояніи (*)!

Признаки большаго четвероугольнаго зданія, находившагося близъ сей башни, даютъ поводъ думать, что она была не что иное какъ мизарь, принадлежавшій къ мечети и весьма вѣроятно Султанской, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что на семъ мѣстѣ былъ отдѣльный укрѣпленный замокъ, обнесенный толстыми стѣнами, кои по всѣмъ угламъ имѣли низкія башни. Двѣ изъ сихъ послѣднихъ доселѣ еще довольно цѣлы: — одна изъ нихъ обращена была въ первоначальную Христіанскую церковь во имя Св. Николая Чудотворца, а другая служила монастырскимъ погребомъ. По построеніи въ 1734 году новаго ка-

(*) Мнѣ кажется, что весьма легко можно убѣдить богатыхъ Татаръ сдѣлать значительное пожертвованіе для сохраненія сихъ развалинъ, изъ коихъ многія считаютъ они священными.

менnаго храма (*) усердіемъ купца Вихляева, церковь сія оставлена безъ всякаго употребленія. Она имѣетъ видъ осмиугольника, содержитъ около 5 саженъ въ длину, столько же въ ширину, и $3\frac{1}{2}$ въ вышину, со сводомъ, въ коемъ имѣются два неболь-шія окошечка, а входъ съ южной стороны. Можно полагать, что и прочія три башни были подобнаго размѣра и вида. Въ подкрѣпленіе же предположенія, что въ семъ замкѣ было жилище Султана или Хана, Археологъ увидитъ еще слѣды дворца, объ огромности коего свидѣтельствуютъ остатки фундамента, имѣвшаго до 80 футовъ въ длину и ширину, коего углы также оканчивались башенми различной фигуры и величины. Нѣсколько ступеней, обложенныхъ

(*) Тогда кажется учрежденъ былъ здѣсь и монастырь Успенскій, находившійся до 1761 года подъ начальомъ Игумена, а потомъ до самаго упраздненія его въ концѣ XVIII столѣтія строителя.

тесанымъ камнемъ, означаютъ широкія лѣстницы, служившія входомъ въ сіи башни.

Въ фундаментѣ новой церкви видѣли мы нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями. Они собраны сюда, какъ сказываютъ, со всѣхъ развалинъ, ибо теперь весьма трудно найти намъ хотя одну подобную доску. Попеченіемъ и любовію къ наукамъ безсмертнаго Петра I, знаемъ мы ихъ содержаніе, и любопытный Археологъ обязанъ тѣмъ любопытству сего великаго Царя. Но и тогда, по самому строгому изслѣдованію всѣхъ развалинъ, едва найдено было 49 надписей, кои можно было разобрать, а какъ онѣ всѣ оказались Татарско-Арабскими (большею частію съ искусно-вырѣзанными куфическими литерами) и Армянскими, то для списыванія первыхъ избранъ былъ ученый Ахунъ Кадырмамешъ Сюнгалей, (на Россійскій языкъ переведены онѣ Юсупомъ Ижбулатомъ), а для

послѣднихъ Арменинъ Иванъ Васильевъ (*). Не смотря что изъ сего числа надписей было только 3 Арменскихъ, самая любопытнѣйшая изъ нихъ однакожъ принадлежитъ къ симъ послѣднимъ, ибо относится къ 557 году Гежиры (счисленія Магометанъ, что составитъ около 1260 года нашей эры), эпохѣ, когда существованіе Болгаръ не значится еще ни въ какихъ хроникахъ! Другая Арменская надпись, хотя и позднѣйшая 986 года (чему болѣе 830 лѣтъ), замѣчательна по выраженію *славной*, которое приданно городу Болгаръ (**).

Арабскія надписи начиная отъ 619 продолжаются до 742 года и наиболѣе относятся къ 623 году (***). Въ слогѣ ихъ замѣтенъ обыкновенный духъ Восточнаго витійства, а индѣ явля-

(*) Эшо было въ 1722 году.

(**) Сей камень положенъ въ семъ славномъ градѣ надъ Арменикомъ Назаромъ и женою его Мариною.

(***) Числомъ 22.

ются мысли взятыя изъ Алкорана. Напримѣръ, на камнѣ бывшемъ надъ могилою Абдула, 624 года, изображено: *смерть подобна полной чашѣ питія: всѣмъ людямъ ее пить, ни кому нельзя избѣжать. Гробъ — ея врата: всѣ люди пройдутъ въ нихъ.*

На другомъ камнѣ надпись оканчивается слѣдующими словами: *то непремѣнно, что грозный день Суда Божія пріидетъ: нѣтъ въ томъ сомнѣнія. Господь Богъ воздвигнетъ всѣхъ умершихъ изъ гробовъ.*

На третьемъ: *Онъ Господь Богъ живый* (*). *Сія долговица великаго и превеликаго и высокаго повелителя, избранная отъ Бога, почтеннаго, благороднаго, призирателя учителей и защитителя сирыхъ, Акиста Ходжа сына Муликова; Муликъ сынъ Мурсина Болгарска-*

(*) Симъ стихомъ изъ Алкорана начинается большая часть Арабскихъ надгробныхъ надписей. См. Днев. Зап. Лепехина. Стр. 272 — 273.

его. О Господи Боже! удовольствуй его довольствомъ неодолимымъ и учести его, отпустивши грѣхи его, и полнлуй согрѣшенія его. Мѣсяца Марта 27, 720 года.

На Четвертомъ: *Всѣ живые вскорѣ получатъ смерть, кромѣ Господа Бога. Имя — Абубекиръ Осливяса-Малукъ, сынъ Бакляпевъ. Вспомни Господи гробъ его милосердіемъ и украси Боже въ царствіи Небесномъ бесѣды его и успокой его, отпусти грѣхи его. Отыде къ милосердію Всевышняго въ лѣто отъ Магомета 619.*

Надписи надъ женскими гробницами одинаковаго смысла съ первыми и, еще кажется, болѣе изпещрены пышными эпитетами. Возмемъ въ примѣръ нѣсколько:

1) *Сія домовица прецѣломудренныя, прекрасныя и преблагочестивыя Княгини Сафары, дочери Рысаевы, родомъ изъ провинціи Шамахіи. О Господи Боже! удовольствуй ея*

довольствіемъ неодолимымъ и чести ее отпущеніемъ грѣховъ ея, и помилуй согрѣшенія ея, и освяти ее въ грозный судный день.

2) *Сія домовица пречестныя, премногомилосердыя, прекрасныя, превысокородныя и непорочныя и препочтенныя, и пречистыя, многовѣрныя Княгини Сары, дочери Ахметовой.*

3) *Сія домовица прецѣломудренныя, пречистыя, непорочныя, много терпивыя и многопостныя Раллы, дочери Любовы. Любъ сынъ Магометовъ, а Магометъ Юносовъ царства Болгарскаго. О Господи! удовольствуй ее довольствіемъ неодолимымъ! Отыде къ милосердію Всевышняго 22-хъ лѣтъ отъ рожденія своего.*

Камни сіи различнаго вида и величины, и, по замѣчанію ученаго Палласа, весьма сходствуютъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ съ надгробными

памятниками, находящимися въ Касимовѣ (*).

Въ церкви нашелъ я весьма замѣчательную древность, открытую за двадцать пять лѣтъ предъ симъ въ развалинахъ Болгарскихъ: это есть мѣдный, вызолоченный образъ древней Греческой работы, бывшій, вѣроятно, репидою. Драгоцѣнность сія долго находилась въ рукахъ одного здѣшняго крестьянина и служила предметомъ особеннаго уваженія окрестныхъ деревень, откуда безпрестанно къ нему стекались на поклоненіе усердные богомольцы. Сіе обстоятельство обратило вниманіе мѣстнаго начальства, и образъ приказано было перенесть въ церковь. Онъ имѣетъ около одного фута въ діаметрѣ и заключаетъ 10 изображеній Святыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю. Они расположены по пяти съ каждой стороны крестооб-

(*) См. Путешествіе Палласа, Т. 1, стр. 192.

разно и каждый нарисованъ на выпуклотомъ кружкѣ. Съ одной стороны въ срединѣ Іисусъ Христосъ, вверху Архангелъ Михаилъ, внизу Арх. Гавріилъ, съ правой руки Божія Матерь, а съ лѣвой Св. Іоаннъ Крестителъ. На другой сторонѣ: въ срединѣ Св. Козьма, по сторонамъ Св. Василій Великій и Св. Николай, сверху Св. Кириллъ, а внизу Св. Даміанъ. Арабески, коими наполнены промежутки, сочинены и выполнены съ величайшимъ искусствомъ и разнообразностію, но въ изображеніи ликовъ Святыхъ видно, какъ и въ прочихъ Византійскихъ произведеніяхъ живописи, весьма недостаточное знаніе рисунка и перспективы. Вмѣсто сего, художники того вѣка, несравненно превосходили новѣйшихъ въ химическомъ составѣ красокъ. Это доказываетъ и сія репида, ибо не смотря, что она столь долгое время находилась въ землѣ и вѣроятно наибольше въ известкѣ, и была подвержена дѣй-

ствію всѣхъ стихій, краски и позолота на ней по сіе время еще весьма живы и свѣжи. Образъ сей становится еще любопытнѣе, если будешь смотрѣть на него, какъ на свидѣтельство вѣроятности о существованіи Греческаго монастыря въ стѣнахъ Магометанскихъ Болгаръ!

Влѣво съ версту разстояніемъ отсюда видны остатки другой башни, подобной первой, и я отправился туда, найдя удобнѣе обойти потомъ всѣ остальныя развалины. Башня сія имѣетъ подобно первой, въ окружности 8 саженъ, а вышины ея осталось не болѣе 3 саженъ съ половиною (*); мечети же замѣненъ одинъ фундаментъ, образующій неправильный четвероугольникъ въ 3 съ четвертью сажени длины. Съ юга и запада, отдѣльно отъ сихъ зданій, видны остатки двухъ

(*) Въ бытность здѣсь Палласа, имѣла она еще 9 саженъ въ вышину, а стѣны мечети и другихъ зданій болѣе 2 саженъ.

небольшихъ палатъ. Татарскіе бытописатели повѣствуютъ, что здѣсь погребены пять Мусульмановъ, почитаемыхъ ими за святыхъ, именно: Султанъ Уль-Арефинъ, Шеикъ Гассанъ-Басри, Шеикъ Шибли, Мулла Гассанъ-Уддинъ и Шеикъ Култи-Саманъ. Татары изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ пріѣзжаютъ сюда на поклоненіе симъ отличнымъ Музульманамъ, а нерѣдко остаются здѣсь по нѣскольку дней для отправленія богомольныхъ обрядовъ своихъ, привозя съ собою нарочно для того муллъ.

Судя по буграмъ и ямамъ, означающимъ жилища, можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить, что отсюда пролегала улица въ средину города на большую площадь, на коей возвышалось огромное зданіе изъ тесанаго камня, называемое здѣшними жителями *Черною палатою* и *Судейскою избою*. Первое наименованіе дано ему, вѣроятно, по мрачной, угрюмой наружности стѣнъ его,

а другое съ нѣкоторою основательностію надлежитъ принять за достовѣрное преданіе; ибо судя по внутреннему и внѣшнему расположенію сего зданія, наиболѣе всего оно могло служить для собраній Дивана или другихъ судилищъ.

Зданіе сіе о 4 ярусахъ, изъ коихъ каждый уменьшается вверхъ небольшимъ уступомъ, образующимъ снаружи родъ узкой террасы, между тѣмъ какъ извнутри того ни мало незамѣтно. Оно четвероугольное, имѣетъ въ основаніи своемъ около четырехъ саженъ, а въ вышину до шести; сверху покрыто куполомъ, имѣющимъ на срединѣ круглое окошко, прочіе ярусы отдѣлялись между собою внутри деревянными полами или накатами. Гнезда ихъ видны еще доселѣ на стѣнахъ, покрытыхъ мѣстами толстою штукатурою. Нижній этажъ занимаетъ почти кубическое пространство и имѣетъ одинъ входъ чрезъ полукруглое отверстіе

или арку, до половины углубленную въ землю, надъ коимъ утверждена въ стѣнѣ гладкая каменная доска, содержавшая, вѣроятно, какую нибудь надпись или изрѣченіе изъ Алькорана, коей однакожъ не осталось ни малѣйшаго слѣда. Кромѣ сей двери, въ этажъ сей небыло никакого другаго отверстія или свѣта, а потому можно полагать что это была тюрьма, ибо и самая яма естественно была несравненно глубже нынѣшней. Съ наружной стороны видны примыкавшія къ нему стѣны низменнаго строенія, коимъ былъ обнесенъ вокругъ сей этажъ и которое, вѣроятно, служило галлереею для втораго яруса. Зданіе сіе, какъ видно, раздѣлялось: съ запада на три небольшія четвероугольныя комнаты, съ юга — на двѣ нѣсколько болѣе первыхъ, съ востока и сѣвера имѣло по одной длинной залѣ. Во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ, а съ южной и западной стороны сверхъ того по два окошечка по бокамъ:

Третій ярусъ освѣщенъ только 4-ю окошками, устроенными надъ дверьми втораго яруса и украшенными карнизомъ съ острыми углами или фронтономъ; четвертый ярусъ представляя видъ осьмиугольника, имѣетъ столько же окошекъ, подобныхъ симъ послѣднимъ. Въ пятидесяти шагахъ къ сѣверу, замѣтны осыпки фундамента стѣны, коею, вѣроятно, была окружена сія палата.

Еще занимательнѣе для Антикварія и любопытнѣе для глазъ всякаго развалины огромнаго зданія, лежащаго отсюда во 100 саженяхъ къ полудню и называемаго деревенскими жителями *Бѣлою палатою.* Оно имѣетъ около 12 саженъ въ длину (*) и 3 въ вышину подъ куполомъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои измѣнилися болѣе другихъ отъ времени

(*) Во время путешествія Академика Н. Я. Озерецковскаго, она была длиною 30, а шириною 7 саженъ.

съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его наши Академики: Кирпичная пристройка, бывшая съ сѣверной стороны и заключавшая двѣ большія переднія комнаты или сѣни, совершенно разрушилась и состоитъ нынѣ изъ двухъ отдѣльныхъ столбовъ или полу-арокъ; правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесанаго камня, уничтожилась и замѣнилась неровностями, поросшими терніемъ. Южную пристройку указываетъ одинъ только фундаментъ; равномѣрно и капитальная стѣна съ сей стороны обрушилась и образовала проломъ, въ которомъ внутренность развалинъ сихъ представляется весьма живописно, такъ, что я нашелъ сей пунктъ лучшимъ для изображенія Болгарскихъ развалинъ на бумагѣ (*). Не смотря на сіе при входѣ во внутренность главнаго строенія,

(*) См. приложенную при семъ картинку, представляющую общій взглядъ на развалины Болгаръ.

можно получить полную еще идею о первоначальномъ расположеніи онаго, но чрезвычайно трудно рѣшительно сказать на какой конецъ воздвигнуто было сіе зданіе? для Греческаго ли *храма*, Мусульманской *мечети* или *бани*—какъ то полагаютъ разногласно наши ученые путешественники и Антикваріи, находя для каждаго изъ сихъ заключеній имовѣрныя доказательства въ самыхъ развалинахъ.

Внутренность сей храмины устроена правильнымъ крестомъ образовавшимся въ большомъ квадратѣ изъ четвероугольныхъ отдѣленій по всѣмъ угламъ. Надъ срединою креста составляющею самую большую залу, возвышается огромный куполъ, имѣющій по срединѣ осмиугольное отверстіе и два окошка по бокамъ, равномѣрно и каждое изъ угольныхъ отдѣленій покрыто было особеннымъ круглымъ сводомъ или куполомъ съ окошечкомъ на верьху. Входъ въ сіе зданіе съ сѣверной стороны чрезъ

узкую дверь, находящуюся по срединѣ креста, четыреугольныя же отдѣленія сообщаются съ симъ послѣднимъ посредствомъ отверстій, сдѣланныхъ въ капитальной стѣнѣ въ самыхъ острыхъ внутреннихъ углахъ оной.

Палласъ, полагая зданіе сіе мечетью, называетъ подземные ходы, устроенные подъ зданіемъ на сводахъ, погребомъ, въ который становили тѣла умершихъ, находя входъ въ оный подъ южною стѣною точно такой, какой находится въ Касимовской мечети на Ханскомъ кладбищѣ. Онъ же сравниваетъ оное съ древними школами, находящимися въ Ташкентѣ (*).

Напротивъ того, Профессоръ Эрдманъ (**) старается доказать, что зданіе сіе было не что иное какъ *баня*. Въ подкрѣпленіе сего приводитъ онъ открытые имъ пять парадель-

(*) Путешествіе Палласа. Т. I, стр. 192.

(**) Beitrage zur Kenntnifs des Innern von Russland. Von Dr. J. F. Erdmann. Riga und Dorpat. 1821. T. I. S. 285.

ныхъ каналовъ, идущихъ подъ каменнымъ поломъ креста и угольной комнаты отъ сѣвера къ югу, и столько же отъ запада на востокъ, такъ, что они пересѣкаются прямыми углами. Каждый изъ сихъ каналовъ, по мнѣнію его, былъ въ $1\frac{1}{2}$ фута ширины и $\frac{1}{2}$ глубины, и всѣ они соединялись въ общій каналъ въ длинной поперечной комнатѣ съ южной стороны и имѣли тамъ стоки сквозь своды. Кромѣ сего замѣчены имъ на стѣнахъ признаки разныхъ водопроводовъ, а въ одномъ углу крестообразнаго прохода даже осташки желѣзной трубы въ 2 или 3 дюйма въ діаметрѣ. Сверхъ того въ стѣнѣ обѣихъ сѣверныхъ и юговосточныхъ угольныхъ комнатъ найдены имъ были подъ поломъ четыре широкія горизонтальныя борозды, въ коихъ лежали жолобы или трубы, а въ западной стѣнѣ сѣверозападной угольной комнаты слѣды перпендикулярнаго отвѣснаго истока, и наконецъ

въ южной стѣнѣ юговосточной комнаты мѣсто самаго бассейна.

Въ опроверженіе *перваго* заключенія можно представить, что Мусульмане во всемъ и вездѣ избѣгаютъ вида креста, тѣмъ паче не допустили бы они его въ мечети, что нѣтъ никакихъ признаковъ минарета, бывающаго обыкновенно при мечетяхъ и проч. На щетъ неосновательности *другаго* мнѣнія, т. е. *бани* — можно указать на камни съ надгробными надписями, замѣчаемые въ полу большаго креста, которыхъ бы, конечно, не потерпѣли Мусульмане въ мыльнѣ. — Разныя церковныя вещи (*), въ томъ числѣ и упомянутая репида, найденная близь сей храмины и крестообразное оной расположеніе, хотя могли родить мысль,

(*) Мнѣ удалось также пріобрѣсть здѣсь мѣдный крестъ Греческой работы, во всемъ подобной вышеописанной репидѣ. На немъ изображено Распятіе золотомъ по красному полю. Крестъ сей длиною 2 вершка, шириною $1\frac{1}{4}$ в. Вѣроятно внутри его находилось дерево или мощи.

что въ зданіи семъ устроена была Греческая церковь, но прилежнѣйшее разсмотрѣніе самаго креста уже достаточно для опровержения таковаго мнѣнія. Если средняя впадина и могла служить для главнаго олтаря, а передніе отдѣленія для двухъ другихъ придѣловъ, то отверстія, сдѣланныя въ переднихъ углахъ сихъ послѣднихъ, никоимъ образомъ не могли быть на сихъ мѣстахъ церковными дверями, притомъ не видно, чтобь когда либо существовали другія таковыя въ капитальныхъ стѣнахъ оныхъ, и проч.

Если позволено мнѣ сказать свое мнѣніе, то я полагаю, что зданіе сіе переходило по обстоятельствамъ изъ одного назначенія въ другое, при чемъ и дѣланы были разныя пристройки и поправки. Взявъ же въ соображеніе первоначальную архитектуру, которая теперь обнажилася (ибо все побочное совершенно разрушилось), смѣю полагать, что зданіе сіе подходитъ ближе всего къ Индѣйскимъ пагодамъ, описаннымъ

и изображенныхъ въ путешествіяхъ Даніэля и Ланглеса, и построено было еще въ то время когда Болгары исповѣдывали Браминскую вѣру? Сходство стиля сего зданія съ Индѣйскимъ зодчествомъ примѣтно не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ онаго, на примѣръ: въ карнизѣ, оставшемся во внутренности одного изъ четвероугольныхъ отдѣленій. Наконецъ, крѣпость стѣнъ и сводовъ говоритъ достаточно, что не Мусульманская рука ихъ воздвигла. По принятіи сего мнѣнія за настоящее, объяснится и цѣль подземныхъ ходовъ, кои устроены не только подъ самымъ зданіемъ, но и вокругъ онаго на большое пространство и были весьма просторны, такъ, что по видимому можно было, кажется, человѣку свободно ходить въ оныхъ. Это должно заключить по одному своду, недавно провалившемуся, и къ сожалѣнію—засыпавшему входъ такъ, что не льзя спуститься въ оный, а весьма было бы любопытно проникнуть во внутренность сихъ катакомбовъ!

Въ лѣсу, около полуторы версты разстояніемъ отъ средины города (*), на самомъ валу, показываютъ развалины довольно пространнаго зданія, которое просполюдины называютъ *Греческою палатою*. Нѣтъ ни малѣйшаго признака по коему Археологъ могъ бы угадать и подтвердить истину сего преданія: въ такомъ развалины сіи находятся разрушеніи и оно должно быть весьма давнее; ибо на самомъ фундаментѣ выросли толстыя березы.

На южной сторонѣ, въ 40 саженяхъ отъ вала, замѣтенъ еще 40 саженный четвероугольникъ, обнесенный земляным валомъ. Мѣсто сіе называется *малымъ городкомъ*. Г. Озерецковскій въ 1768 году нашелъ во внутренности онаго 4 развалины, изъ коихъ самая большая имѣла 5 саженъ длины и 3 ширины. Теперь и слѣды ихъ совершенно исчезли; но въ

(*) Полагая оную при вышеописанной *Черной палатѣ*.

разрѣзѣ вала, который, вѣроятно, служилъ входомъ въ городокъ сей, замѣтно еще существованіе каменныхъ воротъ.

Симъ ограничиваются остатки богатаго, обширнаго города Болгаръ, коихъ при Палласѣ и Озерецковскомъ было до 44-хъ. Прочіе слѣды онаго не представляютъ нынѣ ничего болѣе кромѣ множества разсѣянныхъ по полю бугровъ и ямъ, въ коихъ замѣтны еще основанія каменныхъ зданій, большею частію четвероугольныхъ, отъ 3 до 5 саженъ въ длину.

Весною, когда разстаетъ снѣгъ и послѣ каждаго дождика потомъ вымываются на поверхность земли разнаго рода металлическія вещицы: ожерелья, браслеты, перстни, серьги, разноцвѣтные камешки и монеты (*). Не болѣе какъ за два года предъ симъ одна крестьянка нашла нѣсколько серебряныхъ па-

(*) Около 50-ти разнаго рода такихъ вещицъ куплены мною за 10 рублей.

лочекъ. По словамъ ея двѣ изъ нихъ были въ три и болѣе вершка длины и толще большаго пальца, а потому и не могли быть *рублевики*, какъ предполагалъ я сначала; вѣроятнѣе же были то Кишайскіе прутики положительнаго вѣса. Она продала ихъ Татарамъ, кои пріѣзжая сюда на моленье, покупаютъ дорогою цѣною все, что ни принесутъ имъ изъ вещицъ, найденныхъ въ развалинахъ Болгаръ. По сей причинѣ всѣ деревенскіе ребята и многія старухи занимаются единственно сею выгодною отраслію мѣстной промышлености (*).

Старецъ, помнившій посѣщеніе Болгаръ Петромъ Великимъ, умеръ не болѣе 15-ти лѣтъ назадъ: онъ разсказывалъ,

(*) Я слышалъ отъ весьма вѣрныхъ людей, что въ здѣшнихъ развалинахъ найдены были два *золотыхъ идола* и они, принадлежали долгое время одному любителю древностей. Драгоцѣннѣйшій изъ сихъ кумировъ перешелъ въ одной знатной особѣ, пріѣзжавшей въ Казань, въ царствованіе Императора Павла I-го, а другой утратился по смерти перваго.

говорятъ, многія весьма любопытныя подробности о семъ неутомимомъ Монархѣ. Къ крайнему удивленію моему, я едва нашелъ одного старика, который былъ свидѣтелемъ пребыванія здѣсь Императрицы Екатерины II, во время путешествія Ея водою въ Симбирскъ, въ 1767 году. На Волгѣ, за 7 верстъ отсюда, устроена была пристань и проложена мостовая деревянная дорога, кои донынѣ еще сохраняются. Государыня изволила прибыть сюда въ трехъ каретахъ, кои высланы были къ пристани богатымъ сосѣднимъ помѣщикомъ, Молоствовымъ; прошла прямо въ церковь, осмотрѣла всѣ древности, на монастырскомъ подворьѣ находящіяся, заходила потомъ въ *Черную палату*, но далѣе не пошла — за худою погодой. Вотъ все, что могъ я узнать отъ сего старика, бывшаго тогда 17-ти лѣтнимъ мальчикомъ. Съ тѣхъ поръ изъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ сіи развалины, врядъ ли

былъ другой кто, кромѣ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, который въ 1816 гос съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ сіи историческія мѣста. Въ числѣ ученыхъ посѣтителей, дѣлавшихъ здѣсь свои наблюденія и разысканія, извѣстны, кромѣ Академиковъ Палласа и Озерецковскаго, Гг. Професоры Казанскаго Университета: Френъ, Эрдманъ и Фуксъ.

(Продолженіе впредь)